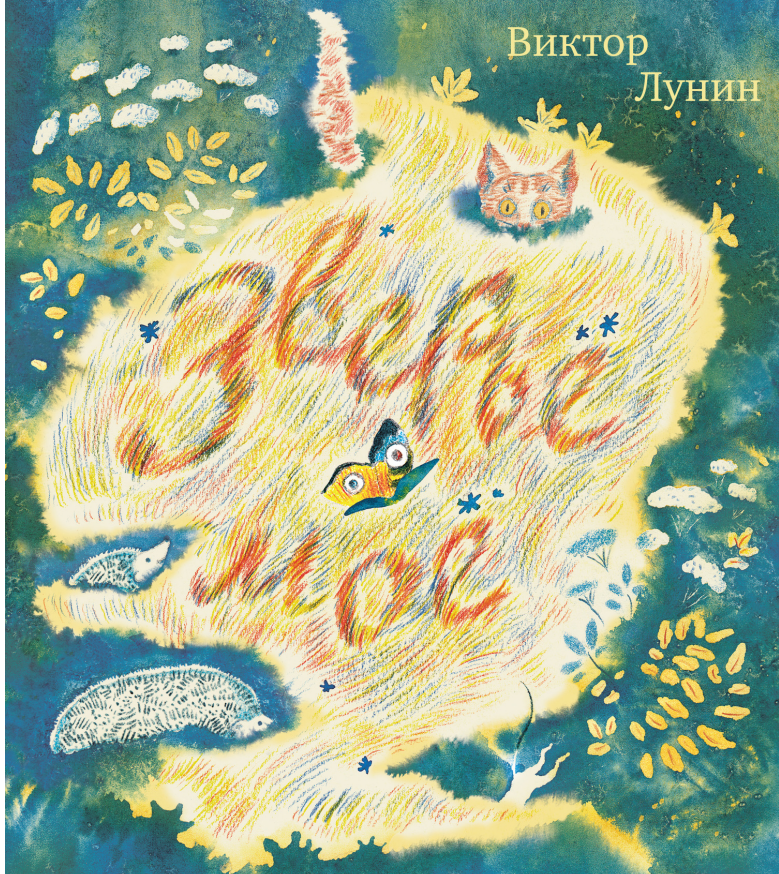


Виктор
Лунин



Издательство «Беринга»

Виктор Владимирович Лунин

Зверьё моё (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31189143
Зверьё моё: БерИнгА; Москва; 2015
ISBN 978-5-9905966-1-0

Аннотация

Книга «Зверьё моё» известного детского писателя, поэта и переводчика Виктора Лунина представляет собой цикл глубоко личных и трогательных историй о любви к живой природе, к семье и друзьям. Автор повествует о тех порою необычных встречах с братьями нашими меньшими, которые запомнились ему ещё с детских лет. Тут есть рассказы о любимом коте, о разных почти по-человечески разумных птицах, о некоторых экзотических животных, таких как осьминог или игуана, ну и, конечно, о замечательных собаках, добрых, весёлых и бесконечно людям преданных. Все произведения написаны живо, читаются легко и пропитаны мягким ненавязчивым юмором. Они погружают читателя в атмосферу теплоты и бережного отношения к окружающему миру, которого так не хватает сегодня нам и нашим детям.

[b]В формате PDF A4 сохранен издательский дизайн.[/b]

Содержание

Зверьё моё	7
Лосёнок	13
Мой кот	16
Ежиная история	18
Как я подружился с белками	23
Хвостик	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Виктор Владимирович Лунин Зверьё моё

© Виктор Лунин, текст, 2015

© А.Б. Орешина, иллюстрации, макет, внешнее оформление, 2015

© Издательство «БерИнгА», 2015

* * *

*Посвящаю эти рассказы Оленьке Ветровой,
жене и другу*



Много мне в жизни встречалось разных животных. Это

были собаки и кошки, ежи и белки, сойки и синицы, золотые рыбки и черепахи. Некоторые из них были обычными, ничем не примечательными и потому забылись, другие же запомнились на всю жизнь. Особенно сохранились в памяти те, что были похожи своими повадками и характерами на нас, людей. Иногда поведение запомнившихся животных было смешным, иногда грустным, но всегда живым и ярким. Каких-то из них я любил как родных и близких мне людей, особенно кота Марса, ставшего настоящим членом семьи. Однажды я поведал о своих встречах со всеми этими нашими дальними родственниками жене Оле.

– Не ленись, запиши свои рассказы. Они, как мне кажется, могут быть интересны не только нам с тобой, – попросила Оля, что я спустя некоторое время и сделал.

Записал я и рассказы самой Оли, а также некоторых наших друзей. А одну трогательную историю Оля даже написала сама. Вот так сложилась эта небольшая книжка, которую я с удовольствием представляю не только маленьким, но и взрослым читателям.

Зверьё моё

Когда я в детстве впервые попал на дачу, мне показалось, что в округе вообще никаких диких животных нет. Ну, то есть таких, что живут независимо от нас, людей. Дача стояла в обжитом лесу, людьми давно застроенном. В таком лесу, думал я, вольным животным обитать наверняка неудобно. Разгуляться негде, не побегаешь на дачных участках, не попрыгаешь. Да и не летаешь тоже. Ведь вместе с людьми часто живут ещё домашние питомцы – собаки и кошки. А от них свободным мышам и птицам одна беда.

Но дедушка сказал мне:

– Приглядишься как следует. И ты увидишь – здесь разного зверья хватает. А уж птиц тем более. Только не ленись наблюдать.

И верно. Вскоре я заметил на деревьях сразу несколько белок. Они с шумом носились друг за дружкой с ветки на ветку и вверх-вниз по стволам, выписывая спирали и пируэты, подобно заправским акробатам, а может, даже лучше. Движения белок были невероятно быстры и точны. Ни одна из них ни разу не сорвалась, не упала на землю. При этом белки успевали всё время о чём-то своём болтать, что-то верещать и насвистывать. Видно было, что им здорово весело.

Потом я заметил ёжика. Точнее, сначала я услышал в траве шуршание и лишь затем его заметил. Ёжик деловито, но

не слишком спеша, куда-то шёл. Заметив меня, он не слишком обрадовался, зафыркал и поспешил спрятаться в кустах. Так что я даже потрогать его иголки не успел.

Почти сразу же после встречи с ежом мелькнул и скрылся с песчаной дорожки крохотный рыжий комочек, ниточкой хвостик, чёрненькие испуганные глазки. Даже не знаю, вправду ли я заметил полевую мышку или мне только почудилось.

Затем я услышал стук. Словно где-то там наверху, над моей головой, кто-то гвозди заколачивал: тук-тук, тук-тук, тук-тук. Подняв глаза, я увидел довольно крупного дятла с красной шапочкой на голове. Он, впившись когтями в еловый ствол и легонько раскачиваясь, деловито, раз за разом, ударял мощным клювом по коре, так что её небольшие кусочки даже сыпались вниз. Дедушка объяснил мне, что дятел выбивает из коры всяких жучков-червячков, которых с удовольствием ест. Я долго смотрел на дятла и думал: «Как же у него не болит голова – столько колотить? У меня бы точно заболела!»

А ещё на соседней ели я заметил маленькую серовато-голубую птичку, довольно упитанную, похожую на маленький мягкий шарик. Шарик этот спускался по стволу вниз головой, быстро перебирая коротенькими ножками, отчего казалось, что он не идёт по стволу, а ползёт. И когда дедушка сказал, что птичку зовут поползень, я сразу догадался, почему.

Спустя несколько минут по дорожке мимо дома пробежала на высоких тонких ногах другая, не похожая на поползня, стройная серая птичка в чёрной шапочке и с чёрной манишкой на груди. У неё был длинный хвост, срезанный на конце под прямым углом. Этот хвост во время бега всё время трясся.

– Прямо трясохвостка какая-то, – вырвалось у меня.

– Ты правильно решил её назвать, но чуть-чуть ошибся, – улыбнулся дедушка. – Её зовут трясогузка. Ведь она трясёт не только хвостом, но и задком, который у птиц называется гузкой.

Я ещё понаблюдал немного за этой ладной пичужкой. А потом вдруг заметил в небе целую стайку птиц покрупнее, коричневого цвета, в мелкую белую крапинку, с желтоватыми клювами. Они лёгким облаком опустились на небольшую полянку за домом и вдруг пропали. С трудом я сумел различить их, снующих туда-сюда, среди мха и травы: птицы слились с ними окраской и стали почти не видны. Этими птицами оказались дрозды. Они что-то клевали на земле и опять же словно по команде стайкой взлетали и стайкой вновь садились на землю. А поодиночке они почему-то не летали.

Между прочим, точно так же вели себя ближе к осени птицы, которых я поначалу принял за куриц, такие они были толстые и крупные. Оперенье птиц было рыжевато-коричневым, на крыльях – голубоватые перья с зеркальным отливом. В общем, выглядели эти неземные создания очень красиво,

но вели себя не очень. Когда ягоды ирги на высоких раскидистых кустах, поспев, налились иссиня-чёрным цветом с розовым отливом, эти обжоры налетели точно смерч и стали, толкаясь и мешая друг другу, садиться на тонкие ветви и с жадностью эти ягоды склёвывать. От такой великой тряски ягоды гроздьями падали на землю, лопались, и розовый их сок растекался лужицами по зелёной траве. А сами кусты от непосильной ноши склонились аж до земли. Чтобы сохранить хоть часть урожая, дедушка бросился к кустам, размахивая руками и крича:

– Прочь, сойки, прочь!

Но мне сойки не показались плохими и даже понравились, ведь им тоже хотелось полакомиться вкусными ягодами. И я потом каждый год с нетерпением ждал их появления.

А по ночам из сада вокруг нашего дома частенько доносились великолепные рулады, пересвисты и перезвоны. Я готов был не спать, лишь бы их услышать. Мне хотелось, чтобы пение это никогда не кончалось. Так прекрасно наверно не спела бы и самая знаменитая певица. Только вот птичку, из чьего горла вылетали столь восхищавшие меня звуки, мне ни разу не удалось увидеть. Я, конечно, приглядывался к кустам и деревьям и однажды заметил мелькнувшую словно тень среди листвы совсем неприметную птичку, но так и не поверил, что это и есть соловей. А издалека невидимке вторили, словно соревнуясь, кто лучше споёт, другие такие же чудесные голоса.



Это были далеко не все звери и птицы, которых мне повезло увидеть на нашем дачном участке. Приходили к нам ещё кроты, а также неизвестно чьи собаки и кошки. Прилетали вороны и сороки, синицы и воробьи. Я уж не говорю о таких созданиях, как бабочки, жуки, стрекозы, осы, пчёлы, шмели, муравьи и кузнечики... В общем, я здорово ошибался, полагая, что теперь этот дачный лес с небом над

ним и землёй под ним принадлежит только нам, людям. Нет, он принадлежит всем. И всё это моё зверьё живёт здесь, почти не обращая на людей внимания. Это его мир, и, надеюсь, таким он будет всегда.

Лосёнок

Ещё в детстве я полюбил животных, особенно домашних. Так, скорее всего, случилось потому, что у многих моих приятелей дома жили собаки и кошки. Мне тоже хотелось кого-нибудь завести, только мама не разрешала. Однако читать о зверях мне никто запретить не мог. Конечно, сначала я отыскивал книги именно о собаках и кошках. Затем, пристрастившись к чтению, я стал уделять внимание и другим животным. Кто-то из зверей нравился мне больше, кто-то меньше. Так, например, змеи и пауки вызывали у меня отвращение, а вот пушистых уютных кроликов хотелось погладить и потискать. Полюбил я и северных оленей. Они казались мне очень красивыми. К тому же именно они, запряжённые в сани, возили по свету Деда Мороза перед Новым годом. А ещё я прочитал, что в наших краях тоже есть олени. Только имя им – лоси. Эти лоси крупнее северных оленей. И рога у них огромные. А большущие рыхлые носы похожи на мой собственный.

И вот однажды из передачи по радио я узнал, что лосей осталось совсем мало. Я расстроился и спросил папу, ведь он у меня всё знал:

- Скажи, это правда, что лосей почти не осталось?
- Правда, – кивнул папа.
- И скоро их совсем не будет?

– Я думаю, люди помогут им выжить, – не слишком уверенно произнёс папа.

– А если нет? Знаешь, папа, давай сходим в зоопарк. Я хочу увидеть живого лося.

– Обязательно сходим. Обещаю. Только не сейчас, – лицо папы стало серьёзным.

Но время шло, а мы в зоопарк так и не собрались, папа был постоянно занят. Закончилась зима, подошла к концу весна. Наконец наступил июнь, и меня увезли на дачу. Я совсем загрустил: «Сколько мне ещё ждать? Неужели я никогда не погляжу на лося?»

Прошло ещё несколько дней. В воскресенье, выйдя с утра из дома, я вдруг увидел: по нашему участку расхаживает небольшого роста зверь на длинных тонких ногах, похожий на лошадку. У зверя было крепкое мускулистое тело и большой нос, похожий на мой.

– Папа! Папа! – закричал я. – Погляди, кто это к нам забрёл?

– Кто? Где? – зевая, высунулся из окна папа. Он вчера поздно приехал из города и не выспался.

– Вон у забора стоит, листья с куста объедает.

– Ба! Да это же лосёнок! – удивился папа.

– Ты уверен? – спросил я.

– Ещё бы! Вон у него рядом с ушами небольшие, покрытые шерстью, наросты. Это будущие рога. Только откуда здесь этот лосёнок взялся?

– Видно, ты, когда вечером приехал, забыл калитку закрыть, – догадался я.

– Бедный, он заблудился, – пожалел лосёнка папа, а потом, усмехнувшись, добавил: – Но раз уж лоси появились в наших краях, значит, их опять стало много. Так что теперь нам с тобой ни к чему идти в зоопарк.

Я хотел было папе возразить, а потом подумал: «Папа прав».

Лосёнок меж тем, наевшись листьев, отошёл от куста и неспешно двинулся к распахнутой калитке. Мы не стали его задерживать. Ведь о нём наверняка волнуется его мама-лосиха.

Мой кот

Он приходит, едва я сажусь к компьютеру, и тут же требует, чтобы я взял его на колени. А если я этого не делаю, то, совершив несколько кругов вокруг моих ног, он вспрыгивает сам, по-хозяйски устраивается, прилаживается, чтобы было удобней, и, наконец, замирает, опустив тяжёлую голову мне на левую руку, или же принимается обеими лапами эту руку выдаивать, судя по всему принимая её за материнскую грудь. Почему-то он всегда ложится головой именно в левую сторону. Объяснения этому найти не могу. Зато легко могу понять, почему он обязательно приходит ко мне именно в такой момент. Просто ему очень не нравится, когда я работаю и не занят им, ведь мерзавец точно знает, что он в нашем доме главный. Глаза кота, обычно зеленовато-жёлтые, похожие на блестящие в воде морские камушки, в такой момент слегка прикрыты. Правой рукой я глажу его мягкую, необычайно приятную на ощупь рыжую спинку, затем приподнимаю его голову, целую его в нос и слышу, как он при этом то ли стонет, то ли урчит от удовольствия. Однако пора за работу! Приловчившись, я стучу по клавишам компьютера одной рукой. Так печатать неудобно. Но чего только не сделаешь ради счастья лишнюю минуту подержать своенравного красавца. На какое-то время он по-настоящему засыпает, тело его размякает, расплывается, обволакивая тестом мои

колени, и кажется, что кот так будет спать вечно. Однако уже спустя каких-нибудь пять минут он резко дёргается, вонзает в меня, отталкиваясь, свои острые коготки, соскакивает на пол и несётся куда-то, словно его ждут неотложные дела. Ему больше нет дела до меня. Но я не обижаюсь. Почему? Да потому что я его люблю.



Ежиная история

Поздний июньский вечер. В темноте я иду из дачного дома на летнюю кухню по узенькой тропке, петляющей меж кустов. С неба серебристым светом слабо подмигивают мне редкие звёздочки. С обеих сторон тропки ярче звёздочек светятся, ничего не освещая, зато наполняя воздух сладким ароматом, мириады цветков жасмина. В такой вкусной темноте идти приятно, но слегка боязно. А вдруг кто-нибудь притаился в густых зарослях? И верно, неожиданно я слышу негромкое топ-топ-топ, шлёп-шлёп-шлёп. Сердце в груди замирает. Кто это проник на наш дачный участок? Кто меня пугает? Не вор ли? Нет, для вора шажки слишком мелкие, быстрые. Словно топают маленький гном. Отважно делаю несколько неверных шагов в сторону звуков. Шлёпанье замирает. Но едва я останавливаюсь, вновь возобновляется, только становится ещё более быстрым. Топ-топ-топ, шлёп-шлёп-шлёп – раздаётся уже вдалеке, там, где шуршит и качается трава. Испуг проходит. Я делаю ещё несколько шагов. И тут звук пропадает окончательно.

В тот вечер я так и не узнал, кто был в нашем саду. Зато следующим утром виновник моего невольного страха вновь затопал – шлёп-шлёп-шлёп – на этот раз совсем близко от меня. Раздвинув траву, я увидел ежа. Крупного, ушастого, во всю длину утыканного серыми с белым иголками. Заметив

меня, он сначала зафыркал, словно норовистая лошадь, а потом свернулся в колючий шар. Мол, попробуй, достань меня теперь. Я положил на него ладонь, легонько погладил, чтобы не уколотся, длинные иглы. Ёж лежал не шевелясь. Тогда я сходил на кухню, принёс и поставил рядом с ним блюдце молока. Но ёж по-прежнему не двигался. Лежал, словно мёртвый. Тут меня позвала мама. Когда минут через десять я вернулся, ёж исчез. Блюдце было перевёрнуто кверху дном, а вокруг разлилась уже подсыхающая белая лужица.

На следующий день никакого топанья в саду я не слышал. Тем не менее под яблоней рядом с летней кухней я снова поставил блюдце молока. Вскоре невдалеке послышалось знакомое топ-топ-топ, и ёж, только не тот, здоровенный, вытянутый, а чуть поменьше и покруглее, прошествовал к блюдцу и принялся, как кошка, лакать молоко, нимало не смущаясь, что я совсем рядом. Затем, напившись, этот бесстрашный ёж, лишь слегка на меня взглянув и издав тихое: «Уф-ф, уф-ф», неспешно, по-хозяйски, двинулся под малинник. Вскоре его топанье раздалось возле самой кухни и вдруг пропало. Когда я, подойдя, заглянул в это место, то увидел в самом низу, под стенкой, где оторвалась доска, лаз, уводящий под пол. И тут меня осенило: «Да это же приходила ежиха, жена вчерашнего ежа! А под полом они, наверно, живут».



С этого дня меня перестали страшить неожиданные ночные топанья. А ежи до того мне понравились, что я готов был кормить их с утра и до вечера. Теперь во второй половине дня под яблоней ежи находили не только блюдце, но и миску. Блюдце, конечно, с молоком, а миску со всевозможной едой: гречкой, варёной картошкой, мясом. В общем, с тем, что у нас с мамой было на обед. И обычно к утру всё было съеде-

но и выпито. Правда, заправлялись ёжики на всякий случай почти всегда по ночам, когда их никто не видел.

Однажды мама сварила манную кашу. Как всегда кашу не доели. И остатки её, переложив в небольшую кастрюлю, мама поставила в крапиву. Дело в том, что в тот день на даче отключили свет, и холодильник не работал. А в крапиве, как известно, продукты меньше портятся.

Спустя какое-то время я услышал в зарослях глухой стук и чьё-то шебуршание. Каково было моё удивление, когда, подойдя поближе, я увидел, что крышка от кастрюли валяется в траве. А в самой кастрюле, цепляясь за её край передними лапками и беспомощно болтая задними, висит, пытаюсь выбраться, ежонок. Мордочка его – рот, нос и даже крохотные ушки – были перемазаны кашей. А рядом, пытаюсь кастрюлю опрокинуть, толкая её то носом, то задом, то лбом, то иголками, сустились уже знакомые мне папа-ёж и мама-ежиха. Меня они, конечно, тоже увидели, но не убежали, только как всегда зафыркали: «Уф-ф, уф-ф!» Я аккуратно, чтобы не навредить ежонку, поставил кастрюлю на бок. И сообразительный малыш тут же вылез из неё и засеменил вместе со счастливыми родителями в густые заросли сныти, не обращая на меня никакого внимания. А я вдруг подумал: «Как же ежонку удалось забраться в кастрюлю?» Однако ответа на этот вопрос так и не нашёл. Наверно, ежи умнее, чем мне прежде представлялось.

А на следующий день, как обычно, слышалось из кустов:

«Топ-топ-топ, шлёп-шлёп-шлёп...»

Как я подружился с белками

Когда я был маленьким, то каждое лето проводил на даче. И там постоянно видел белок. На нашем участке было много высоченных могучих елей и сосен. Росли на участке и кусты орешника. Так что белки летом без труда добывали себе корм. Ведь они питаются орехами и семенами шишек. Белки бегали по земле, по забору, ловко перелетали с дерева на дерево, носились друг за дружкой снизу вверх и сверху вниз по стволам – играли в догонялки. Удивительно, что ни одна из них ни разу не упала. Я любил наблюдать за ними. В начале лета белки были необычайно худыми, бесцветными, с голыми, почти без шерсти хвостами. Но к июлю преобразались. Становились толстенькими, плотненькими, некоторые – ярко рыжими, другие – белёсыми, словно снегом припорошенными. Их хвосты приобретали густую приятную пушистость, так и хотелось такой хвост подёргать! А карие, похожие на орешки глаза всегда горели живым весёлым огнём. Белки казались совсем ручными. Но к себе не подпускали. Тем не менее мама, слышавшая от кого-то, что белки могут больно укусить, говорила:

– Ближко к ним не подходи.

Мне же после таких её слов, конечно, ещё больше хотелось с ними познакомиться. Только как это сделать, я не знал.



А маме и самой белки нравились. Она, как и я, частенько поглядывала на них и однажды сказала с волнением:

– Бедные! Как они обходятся зимой без еды?

– Они делают на зиму запасы, – сказал папа. – Те же орешки и семечки.

– Пусть лучше набивают ими свои кладовые. А летом будут есть то, что я им дам, – в голосе мамы слышалась привычная решительность.

Мама не шутила. Крышку умывальника, повешенного на высохшей ели, она приспособила под кормушку. На неё мама сыпала небольшие сухарики. Их она делала из остатков хлеба. Белки, может, потому что они белки, предпочитали белые сухарики. Чёрные часто оставляли. Ели они не на крышке, а на ближайшей над умывальником ветке. Схватит белка сухарик, сунет в рот и – скок туда. Сидит, смакует, похрустывает. Если одновременно появлялись две белки, начиналась суматоха. И сухарики сыпались с крышки на землю. А с земли белки почему-то их не брали.

Однажды мама ушла и забыла положить сухарики на крышку. Прибежала белка и давай, как заправский барабанщик, по крышке обеими лапами колотить. Недовольна. Мол, что это такое! Про меня забыли!

И тогда я сам понёс белке сухарики. В ладонях понёс, медленно и осторожно, чтобы белку не испугать.

А белка и не думала пугаться. Схватила сухарик у меня из рук и тут же, на месте, принялась хрустеть, так ей сухарика хотелось!

Она и на следующий день появилась. Я её узнал по яркому белому пятнышку на хвосте.

А потом и другие белки перестали меня бояться. Тоже прямо из рук сухарики хватали. И мама больше не говорила,

чтобы я к белкам не приближался.

Хвостик

Одна девочка, назовём её Таня, была так привязана к своей маме, что буквально не отходила от неё ни на шаг. Куда бы мама ни шла, Таня тут же хваталась за мамину юбку и больше ни на секунду от неё не отлипала. Вот, например, идёт мама на кухню, а Таня уже тут как тут. Крепко держится за подол, и сколько её ни проси, ни за что не отпустит.

– Отойди, пожалуйста. Иначе я обед не успею приготовить, – говорит ей мама.

Но Тане хоть бы что! Как стояла за маминой спиной, словно приклеенная, так и стоит.

Или идёт мама на лестничную клетку мусор выбросить, а Таня сзади топает, топ-топ, топ-топ, и мамину юбку не выпускает. И когда мама стирала или гладила, и когда она квартиру пылесосила, Таня всегда чуть позади неё была, дело делать мешала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.